Глянцевые пророки
«ПРЕРАФАЭЛИТЫ. ВИКТОРИАНСКИЙ АВАНГАРД» В ГМИИ ИМЕНИ ПУШКИНА

Анна Толстова

ВЫСТАВКА прерафаэлитов — третья в британской программе ГМИИ имени Пушкина после Тернера и Блейка. Привезут около ста картин и произведений прикладного искусства из музеев и частных коллекций Великобритании и США, но солировать будет галерея Тейт с «Офелией» и «Марианной» Миллеса, с «Возлюбленной» и «Прозерпиной» Россетти. И можно держать пари, что по посещаемости «Прерафаэлиты» сравнятся с выставками Дали или Караваджо. Дело не только в том, что прерафаэлитов, как и Блейка, в России практически не видели. Дело в том, что они — отнюдь не случайно — стали частью масскульта.

Что такое прерафаэлиты — на этот счет, как и в случае с сюрреалистами, есть два мнения. Пребывающие в меньшинстве пуристы требуют терминологической точности и считают прерафаэлитами тех, кто, собственно, входил в «Прерафаэлитское братство» (Pre-Raphaelite Brotherhood), основанное в революционном для континентальной Европы 1848 году и распавшееся к середине 1850-х. Тех, кто подписывал свои картины загадочной аббревиатурой P.R.B., бунтовал против Академии и призывал возвратиться к чистому, подлинному, искреннему и простому, то есть неопороченному академизмом, отсчет которого они резонно вели от Рафаэля, искусству. Кто был юн, наивен и горяч, как два студента Королевской академии, Уильям Холман Хант и Джон Эверетт Миллес, и их новый друг, художник-любитель Данте Габриел Россетти. Кто хотел играть в рыцарей прекрасного, в том числе и прекрасных дам. Кто в юности был революционер — пусть не в жизни, так в искусстве (сын карбонария Россетти откликнулся на европейские события поэмой «Английская революция 1848 года»),— а потом поумнел, продался Академии, нахватал почетных дипломов и доходных заказов и начал менять прекрасных дам как перчатки. Словом, тут прерафаэлиты оказываются типичными романтиками, поздними и малооригинальными, если иметь в виду их немецких предшественников — назарейцев. И есть другой взгляд, что прожившее так недолго «Прерафаэлитское братство» пустило свои эстетские щупальца чуть ли не во все сферы викторианской культуры. Что из него, вечно путавшего литературу с искусством, выросли «Искусства и ремесла» Уильяма Морриса, эстетизм Уолтера Патера, декадентство Оскара Уайльда, пикториализм Льюиса Кэрролла и даже Нобелевская премия Уильяма Батлера Йейтса. И что в наследниках Россетти все британское art nouveau вплоть до любимца русской публики Серебряного века Обри Бердслея. Этой точки зрения, видимо, и придерживаются кураторы выставки, утверждающие, что прерафаэлитов «по праву можно считать первым авангардным движением в Европе».

ПРЕСС-СЛУЖБА ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Данте Габриел Россетти. «Леди Лилит», 1866–1868 годы

ПРЕСС-СЛУЖБА ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Данте Габриел Россетти. «Возлюбленная», 1865–1866 годы

Это утверждение, конечно, очень льстит историкам британского искусства. Вот только не вполне понятно, что подразумевается здесь под авангардом. Если пресловутые пощечины общественному вкусу, вернее викторианским нормам морали, каковые вся честная компания, наладившая столь многоступенчатый обмен женами, сестрами, любовницами и натурщицами, что ни одна писательница дамских романов не придумает более сложных сюжетных комбинаций,— так в этом нет ничего удивительного. Где-то около 1848-го в Европе родилась богема, и богемный образ жизни захватил воображения обывателя. Если говорить о бунте против Академии, так кто только не бунтовал против академий, чтобы потом благополучно засесть в священных стенах и давить новых бунтарей,— взять хоть наших передвижников. Если речь о скандале в сугубо художественном смысле — так в XIX веке, веке всевластия газетной критики, все скандалили, и многие (опять же вспоминаются передвижники) — на почве неканонических трактовок библейских сюжетов. Что же до претензий на переустройство общества, так моррисовские обои, витражи и ковры, пестующие высокохудожественные вкусы соплеменников, свидетельствуют скорее о том, что социалист-утопист сдался на милость капиталистического производства. Нет, конечно, есть энтузиасты приписывать прерафаэлитам какой-то вклад в развитие феминизма — дескать, они признали за слабым полом право на творчество. Но при том почти все прерафаэлитские музы, воспользовавшиеся этим правом, жили недолго и несчастливо.

ПРЕСС-СЛУЖБА ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Эдвард Бёрн-Джонс. «Мария Замбако», 1870 год

Впрочем, одну великую революцию прерафаэлиты все же совершили: революцию в области женской моды. Не в смысле средневековых фасонов, орнаментов или вырви-глаз-оттенков, а в смысле самого модного типажа. Эти томные, тонкие, анемичные, пышногривые и бездонноокие прерафаэлитские девы до сих пор не сходят с глянцевых страниц. И коль скоро насчет «первого авангардного движения в Европе» могут быть сомнения, в том, что прерафаэлиты были первым сознательным движением в сторону массовой культуры, сомневаться не приходится.

Москва, ГМИИ имени Пушкина, с 10 июня по 22 сентября